

Гаврилюк Н. В., Оздемир О. В. Индивидуально-авторские номинации с компонентом «звезда» в украинской поэзии.

Аннотация

В статье проанализированы индивидуально-авторские номинации с компонентом «звезда» в украинской поэзии. Описаны способы создания инноваций, определены самые продуктивные из них. Охарактеризованы семантические особенности семантики новообразований. Обращено внимание на фольклорное, мифологическое основание индивидуально-авторских космогонических номинаций.

Ключевые слова: индивидуально-авторская номинация, авторский неологизм, инновация, компонент «звезда», способ создания, семантика, фольклор.

Gavrylyuk N. V., Ozdemir O. V. Individual author's nominations with «star» component in Ukrainian poetry.

Summary

Poetic depiction of space objects has a long tradition, that has its origins in the folklore, and are naturally continuing to individual author's nomination.

The purpose of this article is to analyze the derivative, semantic and stylistic features, and folklore basis of author's lexical neologisms with «star» component in the Ukrainian poetic speech.

Innovations created by such derivation methods: suffixation, prefixation, prefixation-suffixation, composition, juxtaposition.

The vast majority of innovations created compositional, juxtapositional methods. Complex and composite individual author's words, combining the lexical meaning of the motivation bases are integral exponents original lexical meaning.

Constructing individual author's nominations of a core component of the «star», poets mostly rely on the tradition of folklore, mythology and poetic usage. These are innovations which combine components of the «star» and «person», «plant», «animal», «somatic concept», «natural phenomenon», «number», «color», «action process», «fire», «light», «beauty», «temporal concept».

Unconventional is the convergence with components «star» and «military concept», «electricity, the radio unit».

We consider promising future comprehensive study of individual author's nominations of space objects as components of language and poetic picture of the world.

Key words: individual author's nomination, author's neologism, innovation, «star» component, methods of word-formation, semantics, folklore.

УДК 811.161.1'42 Лихачев

Гамали О. И.,

*кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской филологии и зарубежной литературы*

*Криворожского педагогического института
ГВУЗ «Криворожский национальный университет»*

E-mail: gamalioi@mail.ru

Каневская О. Б.,

*кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русской филологии и зарубежной литературы*

*Криворожского педагогического института
ГВУЗ «Криворожский национальный университет»*

E-mail: o.b.kanevska@rambler.ru

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ТРУДОВ Д. С. ЛИХАЧЕВА:
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СРЕДСТВА**

В статье в аспекте аксиологической картины мира описаны средства репрезентации эмоциональности и оценочности в научных и научно-публицистических работах академика Д. С. Лихачева: эмоционально-оценочная лексика (существительные, прилагательные, наречия), тропы (поэтизмы, метафоры, сравнения), а также риторические фигуры (повторы, риторические восклицания и вопросы).

Ключевые слова: Д. С. Лихачев, аксиологическая картина мира, индивидуальный стиль, категория оценки, эмоционально-оценочная лексика, тропы, риторические фигуры.

Категория оценки и связанные с ней явления разработаны довольно подробно в рамках дискуссии о разграничении денотативного и коннотативного аспектов в значении языковой единицы, а также в свете дифференциации речевого смысла и языкового значения. Исследования в сфере оценки (Н. Д. Арутюнова, Л. М. Васильев, Е. М. Вольф, Е. М. Галкина-Федорук, А. Д. Григорьева, А. В. Кунин, Н. А. Лукьянова, В. Н. Телия, В. И. Шаховский, В. К. Харченко и др.) показывают, что лингвистический аспект категории оценки составляет вся совокупность средств и способов ее выражения на всех уровнях языка. Оценочность и эмоциональность в языке тесно взаимосвязаны и в значении слова представляют единый эмоционально-оценочный компонент. Однако не вся оценочная лексика передает эмоциональное состояние (Л. Г. Бабенко), а на эмоциональность указывает стилистическая принадлежность слова (Ш. Балли, Д. Э. Розенталь). В состав эмоционально-оценочной лексики включаются не только одиночные слова, но и фразеологические единицы (Н. Н. Амосова, А. И. Смирницкий), в том числе пословицы и поговорки (А. Н. Лукьянова). Категория оценки соотносит язык с такими понятиями, как норма и нормативная картина мира, альтернатива и выбор, рассуждение и принятие решения. Язык «постоянно балансирует между упорядоченностью мышления и хаосом жизненных ситуаций, индивидуальных психологий и невзвешенных ценностей» [1, с. 3–4].

В основе категории оценки лежат представления о ценностном характере объективной картины мира (хорошо – плохо), поэтому оценочные средства, представленные в языковой картине мира, являются одним из важнейших способов отражения аксиологических (ценностных) предпочтений этноса в целом и его конкретных представителей в частности. Исходя из этого, тексты представляют аксиологическую картину мира их автора.

Текст, с точки зрения когнитивной лингвистики (С. А. Аскольдов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, И. А. Тарасова и др.), является сложной системой, в которой выражаются знания, представления, эмоции автора, воплощенные в его произведении как индивидуально-авторская картина мира, отражающая духовную культуру носителей языка в ее национально-культурной и субъективной специфике и репрезентируемая с помощью вербальных знаков, свойственных языковой картине этноса. Таким образом, изучение ценностных доминант в их оценочной семантике позволяет интегрировать достижения в области культурологического, когнитивного, функционального, этнопсихологического языкознания (В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, И. П. Лысакова, Т. Н. Матвеева, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин, Б. А. Успенский и др.).

Несмотря на давние традиции стилистики прошлого (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, И. Р. Гальперин, А. И. Ефимов, В. П. Ковалев, М. Н. Кожина и др.) и настоящего (А. И. Горшков, В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик и др.), многие проблемы еще требуют своего решения. К их обсуждению подключаются и когнитологи (Н. Ф. Алефиренко, Н. С. Болотнова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. Н. Телия и др.).

Так, не теряет актуальности вопрос об индивидуальности стиля, который обычно рассматривается применительно к художественной, публицистической и разговорно-бытовой сферам языкового общения, где индивидуальность стиля речи является одним из необходимых признаков. Для научного стиля авторская речевая индивидуальность часто считается необязательной. Высказывается даже мнение (О. А. Лаптева), что современной научной речи свойственна некая безликость и обобщенность. Однако, несмотря на размытость индивидуальных черт автора, для научной речи, в особенности для работ монографического жанра, стилистико-речевая индивидуальность весьма характерна. По справедливому замечанию М. Н. Кожинной, «...она оказывается проявлением творческого мышления, которое не может быть однотипным, единообразным, безликим» [2, с. 110], и обнаруживает себя в речи. Отсюда следует, что индивидуальность для научного стиля необходима. Однако стилистико-речевая индивидуальность научных текстов еще практически не освещена.

Итак, способы языковой репрезентации категории оценки в разноплановых текстах остаются предметом дискуссий, а также не исследованы вербальные средства, составляющие аксиологическую картину мира академика Д. С. Лихачева – не только выдающегося ученого, но и талантливого

публициста, стилиста, – с их национально-культурным ореолом, в частности средства выражения оценочности и эмоциональности. Все вышеперечисленное обеспечивает **актуальность** и новизну избранной теме.

Цель статьи – выявить и описать корпус эмоционально-оценочных средств в научных и публицистических трудах академика Д. С. Лихачева.

В творчестве Д. С. Лихачева представлены как сугубо научные, так и научно-публицистические и просто публицистические работы по проблемам культуры, литературы, экологии, воспитания и т. д. Д. С. Лихачев верит в непреходящую ценность и объединяющую силу мировой культуры, убежден в нравственной и духовной силе человека, его высоком предназначении творить добро и созидать прекрасное. Как культуролог Лихачев – последовательный противник культурной исключительности и культурного изоляционизма, поборник культурного единства человечества при безусловном сохранении всех национальных своеобразий, исторических закономерностей культуры, в т. ч. «прогрессивных линий»: *Идейное содержание труднее проследить в архитектуре, чем в других областях, но и здесь мы видим общее изменение эстетического идеала – стремление к динамичности, живописности, поиска национальных форм и связь с зодчеством других славянских стран* [4, с. 148].

Поскольку Д. С. Лихачев является одним из наиболее ярких, образованных филологов недавнего прошлого, есть основания предполагать, что его работы написаны в строгом соответствии с законами русской стилистики. Но с другой стороны, владение словом, лингвистическая одаренность часто проявляются в уместных отступлениях от стандарта, что и позволяет говорить о проявлении индивидуального стиля. Как человек эмоциональный, глубоко воспринимающий все, что касается развития русского общества, культуры, науки, литературы, ученый не мог оставаться бесстрастным в своих рассуждениях. Именно это, по нашему мнению, обуславливает факт, что лихачевские произведения, особенно научно-публицистического и публицистического характера, содержат значительное количество средств словесной эмоциональности и оценочности.

Как известно, эмоциональность, экспрессивность, оценочность – это специфические черты художественного и публицистического стилей речи [2]. Однако эмоционально-оценочная лексика активно используется и в научном стиле как средство усиления авторской аргументации, убедительного выражения мыслей, что еще раз, как показал анализ, демонстрирует стиль научных и публицистических работ Д. С. Лихачева.

Прежде всего, в словаре ученого значительное место занимают слова, имеющие оценочное значение, например: положительная оценка – *наивысший, великий, бережный, драгоценный; хорошо, прекрасно; интеллигентность, вежливость, человечность; любить, заботиться, гордиться;* отрицательная оценка – *слабый, бессмысленный, реакционный; плохо, безобразно, жестоко; беспорядок, грубость, жестокость увертка; мучить, грубить, ругаться* и мн. др. Это чаще всего качественные прилагательные, которые выражают авторскую оценку разнообразных фактов или явлений действительности.

Прилагательные положительной оценки вводятся для характеристики чьей-либо научной или общественной деятельности: *Его [появление литературной памяти] начинает собой **грандиозная** деятельность Новикова по собиранию и публикации древних памятников...* [6, с. 20]; *Последним писателем, который имел **огромнейшее** значение для всей православной Восточной и Южной Европы, был Дмитрий Ростовский* [6, с. 9]; *Наблюдения ее [статья А. Г. Цейтлина «Время в романах Достоевского»] **правильны и интересны*** [6, с. 305]; *Даже **наиболее умный** и умеренный представитель этой школы С. М. Соловьев писал...* [6, с. 329]; *У Лотмана имеется **значительная** по своему содержанию статья о географических представлениях в древнерусских текстах* [6, с. 344]; *Создатели **подлинных** ценностей всегда **справедливы** к своим предшественникам. Один из **наиболее ярких** возродителей итальянской скульптуры и ее реформаторов Николо Пизано был влюблен в античность* [6, с. 353].

Также слова положительной эмоциональной оценки употребляются для оценочной характеристики объекта исследования: *Европеизм русской литературы **чрезвычайно высокий** при самом ее зарождении, когда русская литература составляла некое единство с литературами*

православної Європы... [6, с. 9]; В произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле этого слова культура не знает старения [6, с. 352]; Эстетическое изучение памятников древнего искусства ... представляется мне **крайне важным и актуальным** [6, с. 352]; Ни одно строение, ни одно дерево не мешало видеть этот **величественный** венец, которым окружил себя Новгород по горизонту, создавая **незабываемый** образ освоенной, обжитой страны, простора и уюта одновременно [3, с. 89]; **Великий** и классический пример жизни культуры в других культурах представляет собой античность [3, с. 108]; Из всех циклов стихотворений Блока именно этот – «На поле Куликовом» – **самый народный, самый национальный** [3, с. 234].

Положительную оценку выражают и встречающиеся фразеологические выражения: **Громадным шагом вперед по пути к более точному изображению действительности было появление в XIV в. профильных изображений...** [6, с. 249]; Она [история культуры] **составляет особую, красную нить** в святой из множества нитей мировой истории [6, с. 352].

Отметим, широко представленные оценочные фразеологизмы использованы в исследуемых текстах без изменений или с изменениями своей структуры. Ср.: *знамение времени, под знаком внимания, держать под стеклянным колпаком, спуститься с облаков на землю, наложить отпечаток* и др.; но *передать культурную эстафету, мыслить градостроительными масштабами* и т. п.

Включая дополнительные слова или переосмысливая фразеологические обороты, Д. С. Лихачев расширяет границы фразеологии русского языка. Обратимся к текстам: *История открывает человеку окно в мир, и не только окно, но и двери, даже ворота* [3, с. 83]; *И за каждым зданием через десяток лет начинает клубиться «дымок истории». Сперва небольшой, потом все более и более заметней. Это и есть тот «дым отечества», который не затемняет, а, напротив, проясняет нам горизонт* [3, с. 124].

Прилагательные, выражающие отрицательную оценку, служат для формулирования авторской негативной характеристики человека, предмета или явления и встречаются в статьях полемического, критического характера: *И тем не менее жизнь, быт, служебное положение, отсутствие средств к существованию, отвратительные* квартирные условия – *все это навалилось на обоих* [6, с. 307]; *Чем менее широк культурный кругозор человека, тем более он нетерпим* ко всему новому и «слишком старому», *тем более он во власти своих привычных представлений, тем более он косен, узок и подозрителен* [6, с. 353]; *Бездушные* подражания XIX и XX вв. романтическому зодчеству... [3, с. 127]; *Орда оставила по себе злую память и жалость не только по погибшим в борьбе за независимость, но и по иссушающим* душу всех народов Восточно-Европейской равнины *долгим и томительным* годам [3, с. 242]; *Не редки случаи безответственного* уничтожения памятников древнерусского искусства, особенно икон, *а также порчи их в результате неумелой* реставрации [3, с. 97]; *Поэтому рукописи ... подчас и сознательно уничтожаются или попадают в руки беззастенчивых* спекулянтов [3, с. 97].

Большую роль в эмоционально-оценочном насыщении текста играют качественные наречия, выступающие как эмоциональные усилители глагольного действия или качественного прилагательного: *В своей монографии «Сатира Салтыкова-Щедрина» А. С. Бушмин справедливо* пишет... [6, с. 326]; *Идеально* законченные и замкнутые во времени эпические произведения фольклора *подчинены сюжетному времени* ... [6, с. 253]; Салтыков-Щедрин *гениально* показал родство двух точек зрения... [6, с. 330]; *Многое уже сказано, и сказано очень хорошо* [3, с. 7]; *Народы – это не окруженные стенами сообщества, а гармонично* согласованные между собой ассоциации [3, с. 61]; *Еще в 1860 г. Н. Г. Чернышевский резко* осуждал Н. И. Костомарова за то, что он *шел на компромисс с М. П. Погодиным* [6, с. 329]; *Наукообразность способна вытеснить науку или резко* снизить академический уровень науки. *Это явление в мировом масштабе очень опасно*, так как *открывает ворота в литературоведение разного рода шовинистическим или экстремистским тенденциям* [3, с. 13].

Д. С. Лихачев употребляет как собственно-оценочную (*резкий, резко, хороший, справедливый, гармоничный, отвратительный, опасно* и т.д.), так и переносно-оценочную лексику (*долгий, узкий,*

высокий, незабываемый и т. п.). Хотя эти слова и различаются своей эмоциональной насыщенностью, однако они, безусловно, повышают общую эмоциональность и экспрессивность текста.

Нередки случаи соединения в одном контексте слов с разной оценкой: ... *а в рассказах об исторических событиях приводятся дурные приметы или счастливые предзнаменования...* [6, с. 251]; *Величественный поток времени уравнивает малых и больших, сильных и слабых, значительные события и незначительные, содержательные моменты истории и несодержательные* [6, с. 261] и т. д.

Индивидуальные особенности элитарной языковой личности русского интеллигента воплощаются в первую очередь в образном слове. В работах Д. С. Лихачева большинство слов, конечно, употребляется в их основных, прямых значениях. На этом фоне четче выступают изобразительно-экспрессивные элементы: окказиональная лексическая сочетаемость, метафоры, сравнения. Как результат нарушения законов лексической сочетаемости появляются семантические окказионализмы: *архитектурный контекст, градостроительный ансамбль, заключительный аккорд архитектурной композиции, ожерелье церквей, семантическая значимость ипиля, культурная мнимость, очаги русской письменности, врачи-реставраторы, меч московской политики, немолкающие лектории* (т.е. памятники прошлого) и др.

В стиле Д. С. Лихачева нередко поэтизмы – «слова с особым стилистико-поэтическим ореолом» [2, с. 128], которые репрезентирует картину мира исследователя русской литературы, культуры, искусства прошлого: *лира, венец, муза, очи, чело, десница, зов, горнило, бездна, чары, нива, светило, воинство, воитель, певец («поэт»), соплеменник, кудесник, изгнанник, дева, искупитель, упование, гордыня, забвение, гонение, низложение, благо, деяния, зодчество; благодатный, живительный, неизгладимый, вдохновенный, дерзновенный, нерукотворный; возыметь, возложить, сразить, свергнуть, ниспадать, нисходить, утешать* и др. Поэтизмы вносят в контекст дополнительный оценочно-эмоциональный смысл: *Фактические сведения нужны прежде всего для того, чтобы восприятие произведения искусства совершалось в исторической перспективе, было пронизано историзмом, ибо эстетическое отношение к памятнику всегда и историческое* [5, с. 84].

Наблюдения над эмоционально-оценочной лексикой в работах Д. С. Лихачева позволяют отметить, что излюбленным приемом выражения экспрессивности для него является метафора. Частотны метафоры-существительные: *Художественное парение авторов над действительностью становится более медленным, более низким и более зорким к деталям жизни* [6, с. 351]; *Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего, нашими боевыми соратниками* [6, с. 352]. Встречаются и глагольные метафоры: *Но древнерусская литература еще молчит...* [3, с. 212]; *Крестьянин приласкал землю и тем преобразовал ее* [3, с. 55]; *Восприятие памятника искусства только тогда полноценно, когда оно мысленно «воссоздает», творит вместе с творцом, наполнено историческими ассоциациями* [3, с. 69].

Достаточно часто Д. С. Лихачев использует развернутые метафоры, передающие целый ряд образов: *То, что вот-вот скажет нам древнерусская литература, не таит эффектов гениальности, ее голос негромок ... Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон* [3, с. 212]; *Древнерусские писатели – не зодчие отдельных стоящих зданий. Это – градостроители. Они работали над одним, общим грандиозным ансамблем* [3, с. 213]; *Литература – священнодействие. Читатель был в каком-то отношении молящимся. Он предстал произведению, как в иконе, испытывая чувство благоговения* [3, с. 221].

В произведениях Д. С. Лихачева частотны экспрессивно-эмоциональные сравнения, придающие наглядность выражаемым в словах отвлеченным понятиям или выделяющие какую-то особенную, характерную черту, на которой автор хочет заострить внимание читателя: *По горизонту этого поля, как ожерелье, виднелись на равных расстояниях друг от друга здания церквей...* [3, с. 89]; *Всякое произведение, выхваченное из своего исторического окружения, так же теряет свою эстетическую ценность, как кирпич, вынутый из здания великого архитектора* [6, с. 356]; *Всякое произведение, выхваченное из своего исторического окружения, так же теряет свою эстетическую ценность, как*

мазок художника, вырезанный ножом из картины [3, с. 208]; *Книги открывают «розмысл сердечный», в них красота, и они нужны праведнику, как оружие воину, как паруса кораблю* [3, с. 221].

Особый лиризм текстам, особенно статьям о культурных ценностях, придают развернутые сравнения с оценочным компонентом, например: *Ленинград стоял передо мною как полная чаша, до краев наполненная теплой и ароматной памятью о прошлом* [3, с. 116].

Хорошо видна авторская оценка в описаниях Новгородских церквей до нашествия фашистов и после него. Ср.: *Как символы власти Новгорода над окружающими его просторами по горизонту, видному с земляных валов, на равных расстояниях друг от друга хороводом стояли церкви... Ожерелье церквей нужно было Новгороду, как иногда фотографу нужна зеленая вставка на переднем плане, чтобы дать почувствовать пространство* [3, с. 173]. – *Иногда тут и там торчали редкие остатки старых церквей, Толстые стены их были сплошь изранены, но они выдержали, устояли. Не выстояли только церкви и монастыри, широким кольцом окружавшие Новгород, – они легли на поле брани* [3, с. 147].

Излюбленное средство усиления оценочности и эмоциональности в работах Д. С. Лихачева – это риторические восклицания и вопросы: *Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость. Да, радость! Подумайте: если человек ставит себе задачей увеличить в жизни добро, приносить людям счастье, какие неудачи могут его постигнуть? Не тому помочь, кому следовало бы? Но много ли людей не нуждаются в помощи?* [5, с. 16–17].

Значительно усиливают оценочность всего высказывания в целом и лексические повторы: *Но самая главная ошибка, ошибка роковая – неправильно выбранная главная задача в жизни* [5, с. 17]; *У природы ведь есть своя культура. Хаос вовсе не естественное состояние природы. Напротив, хаос (если только он вообще существует) – состояние природы противоестественное* [5, с. 100]. Еще один прием – использование однородных членов предложения: *С гениальной дерзостью Андрей Рублев согласует между собой яркие, свежие, как бы «поющие» краски, ничуть не снижая силы цвета, и ставит в центр композиции чистые, «сияющие» цвета драгоценных камней* [4, с. 131]. В блоки однородных членов предложения включаются синонимы и слова близкой семантики, выполняющие усилительную функцию.

Наивысшая концентрация эмоционально-оценочных средств наблюдается у Д. С. Лихачева в статьях, посвященных памятникам культуры, экологии культуры, памяти: *Тысячелетняя русская литература сумела воплотить в своих многочисленных произведениях иноземные нашествия, неслыханные осады, страшные поражения, обернувшиеся конечными победами – победами духа, победами мужества, – мужества, присущего не только мужчинам, но в час жесточайших испытаний и женщинам...* [3, с. 199]; *Все мною сказанное не значит, что надо приостановить строительство новых сооружений в старых городах, держать их «под стеклянным колпаком» – так искаженно хотят представить позицию защитников исторических памятников некоторые не в меру рьяные сторонники перепланировок и градостроительных «улучшений»* [3, с. 86] и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что труды академика Д. С. Лихачева обладают ярко выраженной оценочностью и эмоциональностью, средствами репрезентации которой служит широкий спектр эмоционально-оценочной лексики и многочисленные тропы, риторические фигуры и т. п. Наиболее эмоционален автор, говоря о культуре, ее экологии, исторической памяти.

Думается, масштабное исследование языка произведений Д. С. Лихачева в аксиологическом аспекте позволит не только выявить ключевые ценностные доминанты, составляющие его аксиологическую картину мира, но и в целом охарактеризовать концептосферу этого выдающегося ученого и замечательного мастера слова, которого справедливо называют совестью XX века.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. 1982. – М., 1994. – С. 34–67.
2. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Просвещение, 1983. – 223 с.
3. Лихачев Д. С. Земля родная: книга для учащихся / Д. С. Лихачев. – М. : Просвещение, 1983. – 256 с.
4. Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублёва и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.): монография / Д. С. Лихачев. – М. : АН СССР, 1962. – 194 с.
5. Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – М. : Детская литература, 1985. – 207 с.
6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1979. – 360 с.

Гамалі О. І., Каневська О. Б. Аксиологічний аспект вивчення мови праць Д. С. Лихачова: емоційно-оцінні засоби.

Анотація

У статті в аспекті аксіологічної картини світу описано засоби репрезентації емоційності й оцінності у наукових і науково-публіцистичних творах академіка Д. С. Лихачова: емоційно-оцінну лексику (іменники, прикметники, прислівники тощо), тропи (поетизми, метафори, порівняння тощо), а також риторичні фігури (повтори, риторичні вигуків та запитання тощо).

Ключові слова: Д. С. Лихачов, аксіологічна картина світу, індивідуальний стиль, категорія оцінки, емоційно-оцінна лексика, тропи, риторичні фігури.

Hamali O. I., Kanevska O. B. Axiological aspect of studying D. S. Likhachev's works: emotional and attitudinal means.

Summary

The object of the study are emotional and attitudinal means, constituting D. S. Likhachev's axiological world view. The background of the article is determined by the lack of similar studies in Stylistics, Cognitive Linguistics, and Lexicology.

The main purpose of the article is to identify and describe the collection of emotional and attitudinal means in the scientific and publicistic works by academician D. S. Likhachev.

The works «Native Land», «The Letters about the Kind and Beautiful», «The Culture of the Rus in the Era of Andrey Rublev and Epiphanius the Wise (late 14th – early 15th centuries)», «The Poetics of the Old Russian Literature» became the object of the research of the problem of the emotional and attitudinal means functioning.

The analysis showed that in D. S. Likhachev's scientific and publicistic works the emotional and attitudinal vocabulary is actively used as a means of the author's argumentation intensification and persuasive expression of thoughts: a) for the positive (critical) characteristic of the works of a particular scientist; b) for the attitudinal characteristic of the research objects.

Academician D. S. Likhachev's works feature clearly defined attitudinal and emotional means, which are represented by a wide range of emotional and attitudinal vocabulary and multiple figures of speech, rhetorical figures, etc. The emotionality of the author is best expressed, when he speaks about culture, ecology, and historical memory.

Key words: D. S. Likhachev, axiological world view, individual style, attitudinal category, emotional and attitudinal vocabulary, figures of speech, rhetorical figures.

УДК 81'27+81'373

Гарлицька Т. С.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри англійської мови з методикою викладання
Криворізького педагогічного інституту
ДВНЗ «Криворізький національний університет»
E-mail: vinkr75@mail.ru

МОВА ЗМІ ЯК ОДИН ІЗ ВИЯВІВ КУЛЬТУРНОЇ СВІДОМОСТІ МІСТЯН (НА МАТЕРІАЛІ МІСЬКОЇ ПЕРІОДИКИ)

Стаття присвячена дослідженню міського мовлення на матеріалі української, російської та англійської періодики. Виявлено основні групи ненормативних лексико-фразеологічних одиниць, які є віддзеркаленням мовної та культурної свідомості містян кожної з досліджуваних націй.

Ключові слова: жаргонна лексика, жаргонні фразеологізми, інішомовні запозичення, міське мовлення, культурна свідомість.

У сучасному урбанізованому світі посилення уваги лінгвістів до мови засобів масової інформації кінця ХХ – початку ХХІ ст. є цілком виправданою, адже сьогодні мас-медійні засоби